

О. Ю. Малкина

РОЛЬ БИБЛЕЙСКИХ ЭПИГРАФОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. АРЦЫБАШЕВА

Анализ интертекстуальных отношений в художественном тексте, исследование диалогической природы текста в последнее время приобретают все большую актуальность. В этом смысле может оказаться интересным рассмотрение феномена эпиграфа, который неоднократно привлекал внимание исследователей, но изучен еще далеко не достаточно.

В теории литературы эпиграф рассматривается как один из компонентов рамочного оформления текста, следующая после заглавия ступень проникновения в текст, находящаяся над текстом и соотносимая с ним как целым [1]. Особое положение эпиграфа определяется тем, что он представляет собой отдельный текст, или текст в тексте. Это законченный фрагмент текста, имеющий законченный смысл и функционирующий самостоятельно. Он входит в авторский текст как особая единица и поэтому специально выделен. Взаимоотношения эпиграфа и текста могут быть выстроены так, чтобы эпиграф развивал авторский замысел или контрастировал с текстом, или же раскрывал связи заглавия и текста.

С помощью эпиграфа автор получает возможность соединить свое произведение с другими, он словно открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста [2].

Использование библейских эпиграфов достаточно традиционно в русской литературе, имеющей христианские корни и своим рождением обязанной христианству. Причина частого обращения авторов именно к Библии может заключаться, кроме того, еще и в особой текстуальной емкости, широте тематики, символичности образов Вечной книги. Подобно Достоевскому, Л. Толстому, другим писателям, Михаил Арцыбашев ряд своих произведений предваряет библейскими строками. Чаще всего это отрывки из книги Екклесиаста. Четыре произведения Арцыбашева имеют подобные эпиграфы: «Санин», «Подпрапорщик Гололобов», «Преступление доктора Лурье», «Под солнцем». В повести «Рабочий Шевырев» и в романе «Женщина, стоящая посреди» используются евангельские строки, повесть «Миллионы» открывает эпиграф из книги Иова.

Функции, выполняемые этими эпиграфами, различны. Так, строки из Екклесиаста, открывающие самое знаменитое произведение писателя, роман «Санин», служат своего рода авторским вердиктом, приговором тем событиям, наблюдателем которых становится читатель. Несмотря на то, что эпиграф, в силу своего нахождения перед основным текстом, представляет собой своеобразную экспозицию, которая выполняет роль вектора, задает направление для понимания авторской мысли, слова «Только это нашел я, что Бог создал человека правым, а люди пустились во многие помыслы» [3] не столько иллюстрируют идейное содержание, сколько подводят итог авторскому замыслу, оправдывая главного героя перед читателем.

Подобную роль выполняет также эпиграф к роману «Женщина, стоящая посреди»: «Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии. Они же, услышавши то, и будучи уличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних, и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: Женщина! Где твои обвинители?» Этими строками, предваряющими рассказ о драматичной судьбе героини романа, автор словно перечеркивает возможность осуждения другими совершенных ею поступков. Помимо того, этот эпиграф соотносится с одним из эпизодов романа, в которой разворачивается нечто весьма похожее на указанную евангельскую сцену.

Необходимо отметить и то, что название романа интертекстуально, оно является цитатой, взятой

именно из евангельского отрывка, ставшего эпитафией. Таким образом, функция эпитафии здесь расширяется, так как эпитафия, кроме отмеченного выше, служит для разъяснения заглавия романа. Точно так же выстраиваются отношения заглавие – эпитафия – текст и в рассказе «Под солнцем». Название рассказа – словосочетание из известного высказывания Екклесиаста: «Что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем», взятого Арцыбашевым в качестве эпитафии.

Текст повести «Рабочий Шевырев» логически продолжает мысль, заключенную в эпитафии. Отрывок из Евангелия от Луки о наказании галилеян кажется источником авторской мысли, той логической посылкой, которая послужила отправной точкой для художественного замысла. Об этом свидетельствует также и то, что связь с Евангелием, выразившаяся в эпитафии, в этой повести не единственная. Символический полусон-полубред Шевырева о Добре и Зле в образности, идейном смысле, явно перекликается со сценами искушения Христа Дьяволом, продолжает их, добавляя последнее и самое важное искушение.

В рамках небольшой статьи невозможно, конечно, полностью проанализировать вопросы, касающиеся роли эпитафии в творчестве М.П. Арцыбашева, и тем не менее ясно, что библейские строки, предваряющие многие произведения писателя, призваны не только служить своеобразными иллюстрациями к тексту, но и разъяснять замысел автора, и, кроме того, демонстрировать авторскую позицию, быть голосом Автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. С. 140.
- 2 Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. С. 141.
- 3 Эпитафии из произведений Арцыбашева цитируются без указания страниц по изданию: Арцыбашев М.П. Собрание сочинений в 3-х т. М.: Терра, 1994.